

GORETS IN THE RUSSIAN SERVICE DURING THE CAUCASIAN WAR (1801–1864): MEDIATOR, MARGINAL, TRAITOR

Amiran T. Urushadze (a)

(a) Southern scientific center RAS / European University at Saint-Petersburg.
Rostov-on-Don, Russia / Saint-Petersburg, Russia. Email: aurushadze[at]eu.spb.ru

Abstract

The article examines the features of the life and work of the Caucasian mountaineers in the Russian service during the Caucasian War (1801-1864). At the same time, the article examines the service trajectories of not only major historical figures, but also the fate of lesser-known figures. It is through their example that one can see the functional roles fixed by the empire, the presence / absence of mental boundaries, the perception of the imperial service by local communities. The aim of the study is a historical and anthropological analysis of the service of highlanders in Russian military-political institutions based on sources of personal origin and record keeping materials. The study suggested that for the highlanders in the Russian service, the priority was the motive for raising their own status within the local community, rather than advancing the general imperial ladder of ranks and status. Highlanders often hoped with the help of the empire to raise their own political and / or moral prestige among their compatriots. If the service of the empire did not lead to an increase in the “communal” status or, on the contrary, undermined and burdened the reputation of the highlander, then he began to doubt the correctness of his choice. This approach allows us to describe and explain the frequent cases of a change in political identity, “unexpected” betrayals and escapes of highlanders from Russian service, which filled the history of the Caucasian War.

Keywords

Caucasus; Caucasian War; North Caucasian frontier; Identity; Russian Empire; Caucasian line; Highlanders in the Russian service; Caucasian Corps; Historical Memory; North Caucasus

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ГОРЕЦ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В ГОДЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1801–1864 ГГ.): ПОСРЕДНИК, МАРГИНАЛ, ПРЕДАТЕЛЬ

Урушадзе Амиран Тариелович (а)

(а) Южный научный центр РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге.
 Ростов-на-Дону, Россия / Санкт-Петербург, Россия. Email: aurushadze[at]eu.spb.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности жизни и служебной деятельности горцев Кавказа на российской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.). При этом в статье исследуются служебные траектории не только крупных исторических личностей, но и судьбы менее известных фигур. Именно на их примере можно увидеть закрепляемые империей функциональные роли, наличие или отсутствие ментальных границ, восприятие имперской службы местными сообществами. Целью исследования является историко-антропологический анализ службы горцев в российских военно-политических институтах на основе источников личного происхождения и материалов делопроизводства. Исследование позволило предположить, что для горцев на русской службе приоритетным являлся мотив повышения собственного статуса внутри локального сообщества, а не продвижение по общеимперской лестнице чинов и званий. Горцы зачастую рассчитывали с помощью империи поднять собственный политический и/или моральный престиж среди соотечественников. В случае если служба империи не приводила к повышению «общинного» статуса или наоборот подрывала и отягощала репутацию горца, то он начинал сомневаться в правильности своего выбора. Такой подход позволяет описать и объяснить частые случаи смены политической идентичности, «неожиданных» измен и побегов горцев с российской службы, которыми наполнена история Кавказской войны.

Ключевые слова

Кавказ; Кавказская война; северокавказский фронт; идентичность; Российская империя; Кавказская линия; горец на русской службе; Отдельный Кавказский корпус; историческая память; Северный Кавказ

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2020 г. на страницах авторитетного российского научного журнала «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» вышла тематическая дискуссия, посвященная теоретико-методологическим возможностям концепта фронтир (Как сегодня изучать фронтиры, 2020). Ее участники отметили, что фронтир остается перспективным исследовательским инструментом, который особенно актуален для анализа истории формирования полиэтничного и многосоставного Российского государства в XVI–XIX вв. Вместе с тем, в дискуссии были обозначены и слабые места концепта фронтир, в том числе его теоретическая неопределенность. С этим невозможно не согласиться, однако, напомним, что теория фронта имеет обширную историографию, включающую рубежные знаковые работы.

Различные варианты типологии фронтиров предложили в 2003 г. известные историки А. Каппелер и А. Рибер. Первый выделил военный фронтир, фронтир интенсивной эксплуатации и поселенческий фронтир. Кроме того, А. Каппелер отметил фундаментальный поворот в содержании фронтирных исследований, который заключался в переходе от описания перманентных столкновений в пределах пограничья к анализу «опыта коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» (2003, стр. 49). А. Рибер на широчайшем сравнительном материале (от Древнего мира до современных европейских государств) выделил несколько измерений фронта. Первое – территориальная граница, близкая по содержанию военному фронтиру, отмеченному А. Каппелером. Второе – социокультурная граница, в пространстве которой сталкиваются/взаимодействуют различные хозяйственные и цивилизационные уклады. Третье – символическая граница, выступающая важным структурным элементом ментального картографирования, которое отграничивает «своих» («свое») от «чужих» («чужого») (Rieber, 2003).

Особенностью северокавказского фронта Российской империи, как показал Т. Барретт (Барретт, 2000), была одновременность всех трех измерений – территориального, социокультурного и символического. На Северном Кавказе военный фронтир материализовался в Кавказской линии, которая наподобие двигающейся стены выступала механизмом присвоения-поглощения пространства. Укрепления Линии последовательно «отрывали» фрагменты традиционной карты передвижений и транзита коренного населения Северного Кавказа, а крестьянские поселения и казачьи станицы заселяли эти территории

новыми жителями. Меновые дворы, которые на линии устраивала имперская администрация, должны были, в том числе, распространять среди горцев лояльность «белому царю». Символическая граница, совпадавшая с линией российских укреплений, отделяла «территорию войны» от «территории мира».

В отечественной историографии важные наблюдения о специфике северокавказского фронта сделал Д.И. Олейников. Опираясь на теорию контактных зон, которую в конце 1960-х гг. предложил выдающийся советский славист В.Д. Королук, Д.И. Олейников обратил внимание на ситуацию взаимного непонимания в отношениях имперской администрации и горцев Северного Кавказа:

«Пути понимания – это пути перевода с языка одной культуры на язык другой, причем обычный труд переводчика явно недостаточен» (2000, стр. 329).

В следующей работе Д.И. Олейников деконструировал особенности психологии и мировоззрения офицера-горца на русской службе в годы Кавказской войны, что позволило увидеть актуальность противоречий между мотивами службы «белому царю» и групповой этнической солидарностью (2001). Д.И. Олейников анализировал воспоминания М.А. Кундухова (1818–1889) – осетина-тагаурца, дослужившегося до генеральского чина на русской службе, но в 1865 г. переселившегося вместе с тысячами других горцев в Османскую империю. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Муса-паша Кундухов воевал против бывших сослуживцев Кавказской армии императора Александра II.

М.А. Кундухов стал героем второго плана и в статье М. Ходарковского, которая посвящена посреднической роли горцев на русской службе (Khodarkovsky, 2009). М. Ходарковский на основе биографических данных С.С. Атарщикова, Ш. Ногмова, стр. Хан-Гирея показал их маргинальное положение на перепутье различных идентичностей и систем ценностей. Позднее эти положения были расширены и дополнены автором в тексте специальной монографии (2016).

Важным историографическим событием стала монография В.В. Лапина, где убедительно показано как северокавказский фронт трансформировал Отдельный Кавказский корпус в корпорацию ветеранов Кавказской войны, или, по определению М.Ю. Лермонтова, в «настоящих кавказцев» (2008). Тема горцев на русской службе не получила систематического анализа в монографии и оказалась в тени другого важного вопроса – национальных формирований, так называ-

емой «горской милиции», которую российская администрация использовала в операциях Кавказской войны (стр. 336–374).

Краткий обзор историографии показывает, что история горцев на русской службе в период Кавказской войны выступает органичной частью истории формирования и развития северокавказского фронта. Вместе с тем, анализируемые в исследовательской литературе биографические и карьерные траектории офицеров-горцев уже стали каноническими. Очевидно, что личная известность и успешность карьер М.А. Кундухова, Ш. Ногмова, стр. Хан-Гирея выводила эти фигуры из пространства стандартных имперских процедур. Действия в отношении каждого из перечисленных приобретали политический характер. С другой стороны, кругозор и включенность в имперскую политику обозначенных героев, создавали условия для глубокой рефлексии собственного положения и его соответствия моральным критериям. Поэтому не меньший интерес для понимания места горцев на русской службе имеют другие – менее известные фигуры. Именно на их примере можно увидеть закрепляемые империей функциональные роли, наличие/отсутствие ментальных границ, восприятие имперской службы местными сообществами.

В предлагаемой статье предпринята попытка увидеть это разнообразие имперских и фронтирных ситуаций на примере служебных карьер и судеб российских офицеров-горцев. Д.И. Олейников, оценивая когнитивный потенциал источниковой базы исследования судеб горцев на русской службе, отметил, что основным ее элементом выступают «документы личного происхождения, поскольку они содержат оценочные суждения и определенный самоанализ личности». По мнению исследователя, «субъективность в этом случае не опасна, – она необходима» (2002, стр. 231). Но очевидно, что внимание только к источникам личного происхождения «закрывает» от нас целый ряд измерений обсуждаемой проблемы – отношение военного начальства к офицерам-горцам, оценка их служебных качеств. Поэтому в настоящей работе использованы, в том числе, материалы российского делопроизводства из фондов федеральных и региональных архивохранилищ.

ШАМХАЛЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

Российская империя рассчитывала решить задачу умиротворения Кавказа с помощью местных аристократических элит. Коронная администрация предполагала, что представители местной знати станут надежным каналом распространения лояльности к империи и новым порядкам. Уже в конце XVIII в. империя открыто поддерживает родо-

витуую черкесскую аристократию в противоборстве с шапсугскими и абадзехскими общинниками. В Бзиюкской битве (1796 г.) именно удар отряда казаков-черноморцев стал решающим и принес победу княжескому войску. Такой же стратегии империя следовала и в Дагестане. Здесь основным союзником российской администрации являлись шамхалы тарковские.

Высшая российская власть утверждала очередного шамхала в его звании. Так, 2 мая 1797 г. император Павел I утвердил «всего Дагестана владетелем и шамхалом» Мехти-бека, который впоследствии в российских документах именовался Мегди-Шамхалом (Мехти шамхал) (Русско-дагестанские отношения, 1988, стр. 240). В начале 1800 г. Мехти получил чин генерал-лейтенанта российской армии, а также «2 куска богатой парчи и 20 аршин темнозеленого сукна» (Русско-дагестанские отношения, 1988, стр. 248). Такая щедрость была отнюдь не бескорыстной: повысив статус Мехти и осыпав нового шамхала милостями, российское правительство взамен ожидало увидеть Дагестан подвластным и лояльным. Мехти всеми силами пытался убедить российское начальство, что полностью контролирует ситуацию. 16 апреля 1800 г. Мехти писал главнокомандующему на Кавказе генералу К.Ф. Кноррингу о полном прекращении в Дагестане междоусобиц и приведении в полное повиновение шамхалу всего местного населения. «Бывшие же до сего времени шамхалы успеть в том не могли», – не без гордости отмечал шамхал тарковский и генерал-лейтенант русской службы (Русско-дагестанские отношения, 1988, стр. 249). Кроме обеспечения внутренней безопасности Дагестана шамхал должен был участвовать и в организации отпора внешним угрозам со стороны Персии. В рескрипте Павла I от 3 августа 1800 г. указывалось, что Мехти в случае подтверждения персидского вторжения в пределы Восточной Грузии, которая находилась под российским протекторатом, должен был совместно с правителями Дербента, Каракайтага и Табасарани выступить против армии Фетх Али-Шаха (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1866, стр. 110).

Шамхал вполне оправдывал доверие российское правительства, и в сентябре 1806 г. император Александр I пожаловал Мехти титулом Дербентского хана. Это не только еще больше повысило статус верного империи дагестанского правителя, но и принесло шамхалу существенную материальную выгоду – ему причитались все доходы Улусского магала за исключением Дербента, хозяйство которого находилось в ведении казны (Шамхалы Тарковские, 1868, стр. 62).

В 1830 г. Мехти встречался в Петербурге с императором Николаем I и сумел заручиться царской поддержкой в выборе преемника. Им

стал старший сын шамхала Сулейман-мирза (Сулейман-паша), которого произвели в чин полковника, а следующий по старшинству сын Мехти – Зубаир – получил майорское звание (Шамхалы Тарковские, 1868, стр. 63). На обратном пути из столицы Российской империи шамхал Мехти умер. Сулейман вступил в управление шамхальством и вскоре был произведен в генерал-майоры русской службы. Правление Сулеймана с самого начала проходило на фоне больших социально-политических потрясений в Дагестане. Шариатская проповедь имама Гази-Мухаммеда (1828–1832) привлекла множество последователей по всему Дагестану. Эффективно противостоять росту популярности имама и его учения Сулейман не смог. Антиаристократическим социальным выступлением попытался воспользоваться соперник Сулеймана в борьбе за власть в шамхальстве – Абу-Муслим – один из младших сыновей шамхала Мехти. В 1830 г. Абу-Муслим выступил как ученик имама Гази-Мухаммеда во главе значительной части населения шамхальства (Покровский, 2000, стр. 192). Но его выступление быстро подавила имперская администрация. Абу-Муслим и его ближайшие сторонники оказались под арестом в крепости Бурная. Отсюда Абу-Муслима отправили через Астрахань в Саратов – подальше от Кавказа. Но уже спустя год имперская администрация вспомнила об изгнаннике. 9 октября 1831 г. начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал Н.И. Панкратьев сообщал управляющему Главным штабом генералу А.И. Чернышеву о результатах своей экспедиционной поездки в Дагестан. Н.И. Панкратьев отметил, что шамхал Сулейман «мало способен к управлению и боится своих подвластных» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 137. Л. 76). Среди причин недовольства населения шамхальства Н.И. Панкратьев отмечал изгнание из Дагестана Абу-Муслима. «Разведывая о сосланном Абу-Муселиме, я открыл, что он имеет многие хорошие качества, вообще пользуется доверием народа тарковского» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 137. Л. 76), – докладывал Панкратьев.

В рапорте Панкратьева проводилась идея о возможности формирования коалиции верных российскому правительству и популярных среди дагестанского населения аристократов. Абу-Муслиму отводилась в этих замыслах главная роль. Панкратьев рассчитывал, что Абу-Муслим через свои наследственные владения, расположенные на границе Койсубулинского общества (ядро сторонников Гази-Мухаммеда), сможет влиять на ситуацию в Нагорном Дагестане (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 137. Л. 76). Вскоре опального Абу-Муслима возвращают из ссылки, в 1832 г. его произвели в майоры. С этого времени он официально считается преемником шамхала Сулей-

мана. Место старшего брата Абу-Муслим занял уже летом 1836 г. и сразу получил повышение в звании, став полковником русской службы, а еще спустя год, в октябре 1837 г. примерил эполеты генерал-майора императорской армии. К тому времени имамом являлся уже Шамиль (1834–1859) при котором в 1840-е гг. горцы Дагестана и Чечни достигли наивысших успехов в борьбе с Российской империей и верными ей дагестанскими аристократами. Абу-Муслим не стал политическим противовесом Шамилю, но полностью довольствовался титулом шамхала и подчеркивал свою безграничную лояльность российскому правительству. Подполковник Генерального штаба Н.И. Окольничий оставил такую характеристику шамхала:

«Человек глубоко нам преданный, чистый и добрый, но воспитанный в духе азиатской роскоши, он заботился только о чувственных наслаждениях и не имел никаких военных способностей...» (цит. по Гаджиева, 2000, стр. 243).

По случаю коронации императора Александра II в 1856 г. Абу-Муслим был удостоен звания генерал-адъютанта. Спустя четыре года Абу-Муслим умер и шамхалом стал его сын и наследник Шамсуддин, который, однако, спустя несколько лет (1867 г.) добровольно отказался от административных и судебных функций. Тарковское владение вошло в состав Темир-Хан-Шурина округа Дагестанской области. После пленения имама Шамиля в 1859 г. и относительного умиротворения Северо-Восточного Кавказа имперская администрация больше не нуждалась в политических противовесах влиянию имамов и примерах успешной лояльности. Отметим, что все попытки империи сделать из тарковских шамхалов влиятельную оппозицию мюридизму и его лидерам провалились. Влияние шамхалов было минимальным, их владения постоянно нуждались в военной защите. Для самих шамхалов Российская империя была возможностью занять статусное положение и сохранять его, опираясь на Отдельный Кавказский корпус. Особенно это проявилось в продолжительное правление Абу-Муслима, который первоначально пытался завладеть властью в Дагестане как ученик и союзник имама Гази-Мухаммеда, но потерпел неудачу. Приглянувшись российской администрации, Абу-Муслим диаметрально меняет свои политические пристрастия и превращается в преданного царского вассала, за что получает множество различных милостей. Однако эта преданность мало влияет на стратегическую обстановку в Дагестане, Абу-Муслим не стал политическим конкурентом имамов. Политическая ставка империи на шамхалов оказалась проигранной, однако, сами шамхалы весьма эффективно воспользова-

лись российскими военно-политическими и символическими ресурсами для укрепления собственной власти и обеспечения личного и семейного материального благополучия.

МИЛИЦИЯ И МИЛИЦИОНЕРЫ

Традиция привлечения на русскую службу отрядов, комплектованных по этнотерриториальному принципу, имеет на Кавказе богатую историю. Такая практика существовала в XVI–XIX вв. и включала несколько форматов военного сотрудничества: от равноправного союзничества до оплачиваемого найма. При этом необходимо вслед за В.В. Лапиным отметить условность термина «милиция», который чаще всего встречается в документах российской администрации в качестве маркера, обозначающего участие местных отрядов в военных походах Отдельного Кавказского корпуса. На южной окраине империи милиция не имела стандартной структуры, учебных лагерей, сроков формирования и службы, устойчивого и преемственного командно-офицерского состава:

«По существу на стороне правительства сражались местные ополчения, во главе которых стояли известные народу военные предводители, получившие чины за службу» (2008, стр. 345).

Масштабные опыты по формированию милиции на Кавказе начались в царствование Николая I (1825–1855). Поводом к созданию таких отрядов стала необходимость мобилизации военных сил во время Русско-персидской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войн. После окончания военных действий милиционеры распускались по домам с денежным вознаграждением за службу. После формирования в 1830 г. лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона Собственного его императорского величества конвоя идея формирования постоянных иррегулярных частей, состоящих из горцев Кавказа, продолжала активно обсуждаться. В 1831 г. майор И.О. Карганов, которого А.П. Ермолов называл Ванькой Каиным за участие в показательном изгнании «проконсула Кавказа» из Тифлиса в 1827 г. (Ермолов, 1872, стр. 441), представил в III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии письмо с проектом «О составлении из вольных обществ дагестанских лезгин конного полка в Санкт-Петербурге, или в Тифлисе при отдельном Кавказском корпусе». Проект содержал описание опыта грузинских царей XVII–XVIII вв., которые «держали людей в каждом обществе в виде торговца и разведав чрез них кто имеет в народе влияние содержали того на жалованье и по назначению сего последнего ежегодно делали небольшие подарки прочим

старшинам или духовным, которые также имели влияние на народ» (ГАРФ, n.d., Ф. 109. Оп. 3. Д. 1155. Л. 2). Далее, по описанию И.О. Карганова, когда число находившихся на грузинском довольствии горцев возрастало, то

«вызывались из тех обществ в Грузию в роде наемного войска охотники, за самую ограниченную плату, и таким образом выведя всех или большую часть беспокойных голов и избегая сама от набегов их и беспокоев, употребляла сие наемное войско с пользою, или на усмирение непокорных туземцев, либо для охранения границ со стороны Турции и Персии предоставляя им производить в границах их даже и набегу» (ГАРФ, n.d. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1155. Л. 2).

Этот исторический опыт И.О. Карганов считал успешным и актуальным в военно-политических условиях южной окраины Российской империи начала 1830-х гг. Проект предполагал формирование конного полка из дагестанских горцев, который выполнял бы две функции: военную и политическую. Военная сводилась к использованию дагестанской милиции в операциях Отдельного Кавказского корпуса, как против непокорных горцев, так и против соседних мусульманских держав. Политическая функция, по замыслу И.О. Карганова, заключалась в распространении лояльности среди местного населения:

«горский житель, прослужа несколько лет между русскими, переменявши сим образ мыслей, возвратясь сообщает то своим родственникам, рассказывает народу и передает детям» (ГАРФ, n.d., Ф. 109. Оп. 3. Д. 1155. Л. 3).

В 1835 г. Николай I утвердил «Положение об иррегулярных конных полках, формируемых при Отдельном Кавказском корпусе» (Полное собрание законов Российской империи, 1835, стр. 695). Всего формировались два конных полка: один из жителей Закавказья (Мусульманский полк), а второй из горцев Северного Кавказа (Кавказско-горский полк). Полки формировались из охотников, то есть добровольно. Полковыми командирами назначались русские офицеры, которые владели местными языками. Мусульманский полк удалось собрать в полном составе (шесть сотен), а в Кавказско-горский полк было зачислено всего 170 горцев (Столетие военного министерства, 1902, стр. 259). Жалованье полкам производилось серебром, при этом снаряжались милиционеры самостоятельно и за свой счет.

Именно проволочки с выплатой жалованья приводили к конфликтам. В этом отношении интересен случай кабардинского абрека Ибрагима Тхакахова. Весной 1841 г. И. Тхакахов с оружием бежал из

Кабарды за Кубань, где около года проживал у родственника Бекмурзы Бабукова, который считался российскими властями мирным и лояльным горцем. Затем И. Тхакахов отправился в Карачай, а после вернулся в Кабарду для встречи с братьями. Встреча не состоялась, но вместо этого абрек украл лошадь и оружие. Уйти за Кубань И. Тхакахову в этот раз не удалось, его схватили. На допросе кабардинец заявил, что в абреки он подался вынужденно: «бежал я из Кабарды за Кубань от того, что меня принуждали идти в поход милиционером без всякого вознаграждения, другие кабардинцы нанимались и получали за то деньги» (ЦГАКБР, n.d., Ф. И-16. Оп. 1. Д. 202. Л. 3–3об).

Постепенно формировались новые части местной милиции. Уже вначале 1830-х гг. был создан Грузинский полк, преобразованный в 1849 г. в Грузинскую дружину. Согласно «Положению о Грузинской дружине» она создавалась для защиты Кахетии, что было абсолютно оправданно, учитывая опыт противостояния жителей Кахетии набегам горцев Южного Дагестана. Именно Восточная Грузия была объектом военных походов горцев в XVI–XVIII вв. Этот период в восточногрузинской исторической традиции известен как *лекианоба* («лезгинское иго»). Защита Кахетии от набегов горцев являлась для грузинских ополченцев делом понятным и привычным. Командиром дружины назначался русский офицер, но в средний и низший командный состав делегировались грузинские дворяне. Формировалась дружина по принципу очереди, допускалась замена на охотника, получавшего денежное вознаграждение от очередника-уклониста. Срок службы милиционеров Грузинской дружины определялся в шесть месяцев, однако при желании он, с согласия командования отряда, мог быть продлен на неопределенный срок (Полное собрание законов Российской империи, 1849, стр. 253).

Служба горцев в составе императорской армии рассматривалась Николаем I как гарантия покорности того или иного северокавказского общества. В 1842–1843 гг. российская администрация вела переговоры о принятии присяги на верность бесленеевцев – крупной адыгской этнополитической общности. Николай I лично определил условие принятия присяги горцев: «В вящее обеспечение будущей покорности и преданности бесленеевцев, весьма желательно бы было, дабы они дали до 50-ти всадников в находящийся в Варшаве при действующей армии Кавказский Горский полк» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 101). Но бесленеевцев к российской администрации вышло всего 216 семейств, и набрать 50 всадников, по отзыву имперских начальников, оказалось невозможно.

В николаевское время были также сформированы Анапский горский полуэскадрон (1842) из натухайцев, шапсугов и абадзехов; Дагестанский конно-иррегулярный полк (1851) из аварцев; Сотня Гурийской милиции (1851) из жителей бывшего Гурийского княжества (с 1846 г. Озургетского уезда Кутаисской губернии) (Столетие военного министерства, 1902, стр. 260).

Особенностью инородческих иррегулярных частей являлась их структурная нестабильность. Эти отряды часто переформировывались, сливались и вовсе упразднялись. В этом отношении показательны годы царствования Александра II (1855–1881), когда сначала количество иррегулярных частей сократилось (в 1857 г. упразднен Закавказский конно-мусульманский полк), а затем в 1860–1862 гг. были сформированы новые отряды: Терский конно-иррегулярный полк, Лабинский и Кубанский конно-иррегулярные эскадроны, Дагестанская милиция, Кутаисский конно-иррегулярный полк и три конные сотни Андийского округа (Столетие военного министерства, 1902, стр. 393). Новые преобразования последовали уже в 1865 г., когда Кубанский и Лабинский эскадроны, а также Терский конно-иррегулярный полк были упразднены, а вместо них сформированы Терская и Кубанская постоянные милиции. Последние создавались для «охранения внутренней безопасности и благоустройства в области», милиционеры исполняли военно-полицейские функции. Особое внимание имперская администрация уделяла подбору офицерских кадров из местных жителей, которые должны были непременно иметь уважение и авторитет среди соотечественников (Полное собрание законов Российской империи, 1865, стр. 122).

Подполковник Конно-мусульманского № 2 полка Омар-бек Касымханов был именно таким авторитетным человеком среди населения Шемахинской губернии, из жителей которой формировался личный состав полка. 28 июня 1855 г. Омар-бек Касымханов вместе с тридцатью всадниками Конно-мусульманского полка, а также коллежским регистратором Шах-Паланк-бек Аскерхановым и муллой Рагим-эфенди бежал к туркам в крепость Карс (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 462. Л. 2). Этот побег оказался резонансным. В условиях военного противостояния измена целой группы всадников иррегулярного формирования могла дать пример остальным. Имперская администрация провела подробное расследование с целью установить причины измены Омар-бека Касымханова.

По сведениям рапорта Шемахинского военного губернатора С.Г. Челябинца начальнику гражданского управления на Кавказе В.О. Бебутову от 24 июля 1855 г., Омар-бек Касымханов происходил из знатно-

го семейства родственного последнему ширванскому хану Мустафе, который, нарушив российскую присягу, бежал в Персию в 1820 г. Наследное имение Омар-бека было конфисковано в казну, а взамен семья получала от правительства скромное содержание в 500 рублей в год. Омар-бек столкнулся с недостатком материальных средств на поддержание соответствующего его социальному статусу образа жизни. «Он часто меж своими, и даже русскими, роптал на то, что ему не возвращают отцовского имения, подобно другим, несмотря на все его старания» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 462. Л. 31), – отметил в рапорте военный губернатор С.Г. Челяев. Примерно за год до побега Омар-бек Касымханов кардинально изменил свою повседневную жизнь. Если ранее он, по словам Челяева, «любил общество русских и пренебрегал обычаями своей нации, несовместными с удовольствиями европейской жизни» (речь идет об употреблении спиртного и карточной игре), то с осени 1854 г. Омар-бек начинает придерживаться исламских обрядов и «проводил время преимущественно с мусульманами, которые постоянно посещали его, одни из уважения к знатности его фамилии, а другие для беседы» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 462. Л. 31). Челяев пришел к выводу, что причиной измены подполковника Омар-бека Касымханова стали два обстоятельства: сравнительная бедность природного аристократа и духовное влияние ислама. Случай Омар-бека показателен тем, что имперская администрация иногда плохо представляла условия жизни и настроения офицеров инородческих отрядов. Это приводило к взаимному непониманию, служебным конфликтам и предательству.

Формирование новых иррегулярных частей из местного населения в 1860-е гг. было связано с высокой оценкой их эффективности кавказским наместником А.И. Барятинским (1856–1862), который пользовался личным доверием императора Александра II. В отчете об управлении Кавказом за 1857–1859 гг. А.И. Барятинский отмечал два важных обстоятельства, которые делали иррегулярную милицию особенно эффективной. Во-первых, горская милиция давала «выход воинственному духу этих племен» (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1904, стр. 1290). Кавказский наместник обоснованно утверждал, что за время долгой войны на Северо-Восточном Кавказе успели вырасти несколько поколений горцев, для которых война была единственным образом жизни. После покорения Чечни и Дагестана в 1859 г. вся эта вооруженная и воинственная масса не могла, по мнению кавказского наместника, долго оставаться без военного дела:

«Все разбойники, все пылкие люди, вся молодежь – обреченные на вечное бездействие, а многие и на голод, стали бы в тиши точить оружие против нас, между тем, как оно с такой пользой может быть обращено против врагов отечества» (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1904, стр. 1290).

Во-вторых, кавказский наместник отмечал высокий статус горской милиции в глазах местного населения:

«Население видит в них своих отборных людей и боится им противиться, потому что убийство одного из своих влечет по горским обычаям месть за кровь, даже со стороны семейства, действовавшего в этом случае заодно с убийцей. Против населения гор сотня Конно-Дагестанского полка гораздо надежнее батальона. С небольшим числом местных дружин мы можем удерживать горы в повиновении вернее, чем с многочисленными русскими полками» (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1904, стр. 1290).

Этот отзыв А.И. Бярятинского свидетельствует о высоком статусе горцев-милиционеров в глазах местного населения. Служба империи являлась для милиционеров источником дохода, а также социальным лифтом.

Наибольшей численности иррегулярные кавказские части достигли в 1877–1878 гг. и это было напрямую связано с мобилизацией военных ресурсов в войне с Османской империей. К 1878 г. из горцев Северного Кавказа были всего сформировано 6 полков и 7 отдельных сотен, 3 конных и 3 пеших сотен. На Южном Кавказе сформировали 8 полков, 7 дивизионов, 1 конную дружину и 12 отдельных сотен. Общая численность иррегулярных отрядов в 1878 г. превысила 24 тыс. человек (Столетие военного министерства, 1902, стр. 393–394). После завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. многие милиционные части были упразднены, численность остальных сокращена.

Списочный состав этих иррегулярных военных частей определялся лишь приблизительно. Так, к началу царствования императора Александра III (1881–1894) в постоянных и временных инородческих частях всего числилось порядка 7 тыс. человек (Столетие военного министерства, 1902, стр. 393–394). Постоянными подразделениями являлись: лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного его императорского величества конвоя, Дагестанский и Кутаисский конно-иррегулярные полки; Дагестанская, Кубанская и Терская милиции; Грузинская дружина и Гурийская пешая сотня. Временные части формировались по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией и состояли из следующих подразделений: Ахалцыхская конная сотня, Гурийская пешая дружина, Карсская и Батумская конные

милиции. Впоследствии некоторые части были упразднены или сокращены.

Увеличение количества и общей численности иррегулярных частей Кавказского края спровоцировали дополнительные бюрократические процедуры, направленные на регламентацию службы ополченцев-милиционеров. В 1850-е–1870-е гг. российское законодательство закрепило некоторые материальные гарантии местных комбатантов. Так, осенью 1859 г. милиционеры Грузинской дружины, получившие увечья в военных столкновениях и потерявшие трудоспособность, получили право на пенсионное содержание. 3 марта 1877 г. в приказе Военного министра было объявлено, что право на пенсии распространяется на милиционеров Грузинской дружины, которые получили тяжелые увечья, находясь на службе в мирное время (Полное собрание законов Российской империи, 1902, стр. 555).

Регламентация материальной стороны службы милиционеров являлась, с одной стороны, свидетельством высокой оценки эффективности таких отрядов со стороны имперской администрации, а с другой, – необходимым условием привлекательности и стабильности службы «белому царю». В этом формате служба в иррегулярных российских частях стала для местных жителей престижной как социально, так и материально.

ОФИЦЕРЫ-ГОРЦЫ: МЕЖУ ПОСРЕДНИЧЕСТВОМ И ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ

В историографии уже отмечалось, что офицеры-горцы на русской службе выполняли функцию медиаторов в процессе вхождения Кавказа в политико-правовое, социально-экономическое и культурное пространство Российского государства (Khodarkovsky, 2009). На Кавказе империя испытывала острый дефицит квалифицированных кадров (Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли, 2020, стр. 398–414). Необходимо отметить, что тезис об общей недоуправляемости имперского пространства представляется обоснованным (Миронов, 2017, стр. 232). В этих условиях, офицеры из местных уроженцев, которые прошли обучение в российских военно-учебных заведениях, были очень ценным ресурсом коронной администрации. Региональная администрация нуждалась в переводчиках и проводниках, переговорщиках и разведчиках. Кроме того, для имперской власти важны были символы: горцы в российских мундирах являлись знаком покорения Кавказа. Хотя у самих горцев это зачастую не вызывало таких однозначных ассоциаций (Лапин, 2003, стр. 9).

Российскими офицерами становились представители горской аристократии, российская администрация рассчитывала, что высокое социальное положение горцев позволит им успешно распространять лояльность империи среди соотечественников. Однако русская служба часто девальвировала знатность офицера-горца, а сам он подвергался бойкоту. Начальник III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии А.Х. Бенкендорф (1826–1844) отмечал в письме командирующему Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розену (1831–1837), что отец известного адыгского просветителя и русского офицера С. Хан-Гирея С. Магомет-Гирей, который «в продолжении многих лет оказывал непоколебимую приверженность к российскому престолу», оказался объектом ненависти многих западных адыгов, сопротивлявшихся установлению российского суверенитета (АКБИГИ, n.d., Ф. 1. Оп. 2. Д. 52. Л. 1). Не реализовались и честолюбивые замыслы С. Хан-Гирея, который в 1830-е гг. считался в Петербурге главным экспертом по Кавказу (Жемухов, 1997, стр. 19). В 1837 г. С. Хан-Гирей был отправлен на южную окраину с дипломатической миссией, которая должна была подготовить адыгов к принятию российского подданства во время путешествия императора Николая I по Кавказу в том же 1837 г. Но замысел провалился: адыги не поверили словам С. Хан-Гирея. На этом политическая карьера адыгского интеллектуала, автора «Записок о Черкесии» (Хан-Гирей, 1978) завершилась.

Российская служба, сопряженная с действиями против соотечественников, могла привести к маргинализации положения горца-аристократа. Показательна сложная судьба кабардинского князя Хатокшоко Магомета, известного в имперском делопроизводстве как Магомет Атажукин (Алоев, 2019). Знатный кабардинец пошел на службу империи в 1819 г. и отличился несколько раз. В 1821–1822 гг. Магомет Атажукин участвовал в экспедициях «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова против кабардинцев, которые сопровождались разорением местного населения и уничтожением аулов. В 1822 г. Магомет Атажукин уже в роли имперского «ассасина» отправляется за Кубань, чтобы убить лидера кабардинских повстанцев князя Хатокшоко Талостана (Тау-Султана), который погибает в результате засады, устроенной Атажукиным. Убийство одного из вождей антиимперского сопротивления отнюдь не прибавила популярности Магомету Атажукину среди кабардинцев. Как отметил Т.Х. Алоев, «такая форма расправы как неблагородная порицалась не только в аристократической среде» (2019, стр. 26). В 1823 г. Магомет Атажукин участвовал в экспедициях на Северном Кавказе, в качестве проводника российских отрядов. За

эти заслуги он получал денежное вознаграждение и приобрел доверие российской администрации, в том числе известного ермоловского соратника командующего войсками на Кавказской линии генерала А.А. Вельяминова. В 1830-е гг. Магомет Атажукин успел послужить в Царстве Польском в составе Кавказского конно-горского полка, он был произведен в поручики в 1838 г. и получал денежное содержание размером 250 р. серебром в год (АКБИГИ, n.d., Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 31).

13 августа 1842 г. поручик Магомет Атажукин бежал к «непокорным горцам». В апреле 1844 г. беглец был исключен из служебных списков, а после поимки его ожидал военный суд. Побег был неожиданным, очевидно, что Магомет Атажукин находился на хорошем счету у российского начальства, в делопроизводственных документах отмечено: «До побега к горцам служил 23 года, офицером 12 лет 3 месяца и в чине поручика 4 года 8 месяцев; в штрафах и под судом не был, аттестовался посредственно» (АКБИГИ, n.d., Ф. 1. Оп. 2. Д. 13. Л. 32). Впоследствии Магомет Атажукин предпринимал попытки вернуться на службу империи, но информационная скудость известных свидетельств не позволяет с уверенностью утверждать об успешности усилий князя-беглеца.

По мнению Т.Х. Алоева, перипетии судьбы и службы Магомета Атажукина показывают его «внутреннюю незрелость», а также «несостоятельность князя своему предназначению в черкесском социуме» (2019, стр. 32). Этот вывод может быть дополнен указанием на российскую службу князя как на важный фактор его маргинализации в черкесском обществе. Вероятно, именно статус российского офицера усугублял негативное восприятие действий Магомета Атажукина. Его колебания в выборе политической идентичности отражают тяжелое морально-нравственное состояние офицера-горца на русской службе в условиях Кавказской войны.

Одним из наиболее известных офицеров-горцев на русской службе является М.А. Кундухов (1818–1889). Его информативные мемуары стали в российской историографии объектом специального рассмотрения (Дегоев, 2003). Биография М.А. Кундухова уже излагалась в ряде публикаций, и повторять эти сведения здесь не имеет смысла. Следует, однако, остановиться на одном неизвестном, но показательном эпизоде служебной деятельности офицера-горца.

М.А. Кундухов вспоминает о своих переговорах с имамом Шамилем в 1848 г., которые он вел с российской стороны по поручению первого кавказского наместника М.С. Воронцова. «В 1848 году главнокомандующий поручил мне склонить Шамиля к переговорам о за-

ключении мира через посредство знакомых мне его набобов: кабардинца Магомета Мирзы и родственника моего Дударова, бывших у Шамиля и у горцев в большом почете» (Кундухов, 2002), – так описывает этот эпизод М.А. Кундухов. В исследовательских комментариях именно эти события указываются как единственный случай участия Кундухова в переговорах с Шамилем.

Однако сохранилась переписка главноуправляющего в Грузии и командующего Отдельным Кавказским корпусом А.И. Нейгардта (1842–1844) и командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории В.И. Гурко (1842–1845), датированная ноябрем 1842 г. – январем 1843 г. Необходимо отметить, что в мемуарах Кундухов отмечает неприязнь этих начальников к нему: «Они оба ко мне не благоволили, подозревая меня в сношении с Шамилем» (2002). Между тем, переписка двух имперских администраторов проливает свет на подготовку переговоров Кундухова с Шамилем еще в 1842–1843 гг. В рапорте А.И. Нейгардту от 25 ноября 1842 г. В.И. Гурко докладывал:

«Прикомандированный к Отдельному Кавказскому корпусу состоящий по кавалерии ротмистр Кундухов (в воспоминаниях Кундухова отмечено, что в ротмистры его произвели в 1840 г. – А.У.), получил чрез посланного от Шамиля предложение прибыть к нему в Дарги, для каких-то важных переговоров. Кроме того, посланный этот говорил также, что перед отъездом его приходили к нему старшины от шубузов, шатоевцев и других племен горной Чечни и объявили ему, что наскуча теперешним положением дел, они готовы покориться, и ищут только случая войти с нами в сношение» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 18).

Генерал В.И. Гурко не придавал большого значения этому дипломатическому предложению, считая, что Шамиль желал через Кундухова узнать о возможности возвращения старшего сына Джамалуддина, выданного в аманаты в 1839 г. в ходе сражения за Ахульго. Кроме того, командующий войсками на Кавказской линии предполагал, что этими переговорными маневрами Шамиль рассчитывал выиграть время и обезопасить Чечню от зимних набегов Отдельного Кавказского корпуса. И все же Кундухов получил разрешение Гурко на вступление в переговоры:

«... при теперешних обстоятельствах не следует пренебрегать предложением, которое может быть даст нам возможность поселить несогласие между главными возмутителями, или, по крайней мере, будет служить к тому, чтобы получить весьма полезные сведения о теперешнем состоянии Чечни и расположения умов в оной» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 19).

При этом Кундухов не получил официальных инструкций, не имел полномочий представлять российское региональное начальство и делать Шамилю каких-либо предложений от лица имперской администрации. Именно это могло оскорбить Кундухова и стать причиной соответствующего замечания в мемуарах офицера-горца о натянутых отношениях с генералами Гурко и Нейгардтом. Сам Гурко аттестовал Кундухова с положительной стороны, как «благонамеренного и осторожного офицера». В ответном послании на рапорт Гурко от 4 декабря 1842 г. А.И. Нейдгардт также дал исключительно комплементарную характеристику офицеру-горцу: «данное вами ротмистру Кундухову позволение отправиться по приглашению Шамиля в Дарги я совершенно одобряю; тем более что при известной мне расторопности и верности сего офицера и при наставлениях, которые вы ему сделали, как надеяться можно, он ни в каком случае дела не испортит» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 24).

Но в 1842–1843 гг. переговоры Кундухова и Шамиля не состоялись. Сначала за Кундуховым долго не являлись люди Шамиля, которые должны были сопроводить его к имаму. А в конце декабря 1842 г. Кундухов упал с лошади и, по словам генерала Гурко, «ушибся так сильно, что самая жизнь его была в большой опасности» (РГВИА, n.d., Ф. 14719. Оп. 3. Д. 504. Л. 79). Учитывая отзыв Кундухова об отношениях с Гурко и Нейдгардтом, можно предположить, что офицер-горец чувствовал себя оскорбленным недоверием начальства, которое отказалось придавать его дипломатической миссии официальный статус. Возможно, Кундухов считал неприемлемым для себя отправляться в Чечню как частное лицо фактически со шпионскими задачами и всеми средствами затягивал свой отъезд. Косвенно об этом свидетельствует и красноречивое отсутствие каких-либо упоминаний подготовки переговоров в 1842–1843 гг. в мемуарах Кундухова. Подобная интерпретация коррелирует с другим эпизодом из биографии Кундухова, а именно с убийством чеченского старшины, который оказался кровником офицера-горца. По удачному замечанию комментатора кундуховских воспоминаний З.Д. Авалишвили, «здесь под мундиром офицера русской армии обнаружился человек родового быта, формации, так сказать, догосударственной» (Авалишвили, 1937, стр. 13). Российское военное образование, годы службы в различных институтах империи не уничтожили в Кундухове традиционной ценностной системы и соответствующих императивов поведения.

Так накапливалась обида Кундухова в отношении российской администрации, которая вкупе с глубокими психологическими пере-

живаниями, описанными в мемуарах офицера-горца, привела его к решению уйти в Османскую империю (1865).

ВЫВОДЫ

Вхождение Кавказа в пространство Российской империи помимо прочего сопровождалось разрушением традиционных и формированием новых идентичностей. На смену старым межродовым и этнотерриториальным границам и линиям ментального разграничения пришли новые, которые основывались на критерии лояльности к империи. Сначала в имперском делопроизводстве, а затем в политической повседневности закрепилось разделение на мирных и немирных горцев, на сторонников Шамиля, а также других (суб)региональных лидеров антиимперского сопротивления и лоялистов, вставших на сторону империи. Исчезали и заново формировались функциональные роли, что выражалось в трансформации этнотерриториальной аристократии (князей, ханов, шамхалов, беков) в российских офицеров и администраторов. При этом такие функциональные роли зачастую не совпадали с былыми престижными социальными статусами и привычными структурами повседневности. В этом отношении показателен проанализированный в статье побег Омар-бека Касымханова. Российская империя стремилась использовать знания и социальный капитал офицеров-горцев в деле умиротворения Кавказа. Но образование в российских учебных заведениях и годы службы «белому царю» не являлись гарантией преодоления социокультурной дистанции между имперским начальством и горцами в мундирах императорской армии. Формальные повышения по службе и награды не рассматривались офицерами-горцами как решающее признание заслуг, но любые намеки (иногда мнимые) на недоверие со стороны начальников вызывали болезненную и протестную реакцию. Здесь привлекает внимание эпизод с подготовкой переговоров ротмистра М.А. Кундухова и имама Шамиля, описанный выше. Для горцев на русской службе, как представляется, наиболее важным был мотив повышения собственного статуса внутри локального сообщества, а не продвижение по общеимперской лестнице чинов и званий. Горцы зачастую рассчитывали с помощью империи поднять собственный политический и/или моральный престиж среди соотечественников. Когда им это удавалось, как в случае с шамхалами тарковскими, то они проявляли себя со всей возможной лояльностью. В случае, если служба империи не приводила к повышению «общинного» статуса или наоборот подрывала и отягощала репутацию горца, он начинал сомневаться в правильности своего выбора. Такой подход позволяет описать и объяснить частые слу-

чаи смены политической идентичности, «неожиданных» измен и побегов горцев с российской службы, которыми наполнена история Кавказской войны.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена за счет средств Российского научного фонда проект 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Список литературы

- Khodarkovsky, M. (2009). The Return of Lieutenant Atarshchikov: Empire and Identity in Asiatic Russia. *Ab Imperio*, (1), 149–164. doi: 10.1353/imp.2009.0042
- Rieber, A. J. (2003). Changing Concepts and Constructions of Frontiers: A Comparative Historical Approach. *Ab Imperio*, (1), 23–46. doi: 10.1353/imp.2003.0104
- Авалишвили, З. (1937). О воспоминаниях Муса-Паши Кундухова. *Кавказ*, (8), 10–17.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* (1866). Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* (1904). Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.
- Алоев, Т.Х. (2019). Герой vice versa: не совладавший с предназначением. *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*, (3), 23–32.
- Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (АКБИГИ) (n.d.).
- Барретт, Т. (2000). Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России. В М. Дэвид-Фокс (Ред.), *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология* (стр. 163–193). Самара: Издательство «Самарский университет».
- Гаджиева, С. Ш. (2000). *Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Книга первая*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) (n.d.). *Ф. 109. Оп. 3. Д. 1155*.
- Дегоев, В. В. (2003). Генерал Муса Кундухов: история одной иллюзии. *Звезда*, (11), 151–162.
- Ермолов, А. П. (1872). Письма его к князю В.О. Бебутову. В *Русская старина*. (Т. V. Вып. 3), 412–467.
- Жемухов, С. Н. (1997). *Мировоззрение Хан-Гирея*. Нальчик: [Б.и.].

- Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня (2020). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, (1), 81–105.
- Каппелер, А., & Каплуновского, А. (2003). Южный и Восточный Фронт России в XVI – XVIII Веках. *Ab Imperio*, (1), 47–64. doi: 10.1353/imp.2003.0126
- Кундухов, М. (2002). *Мемуары*. Получено из http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus
- Лапин, В.В. (2008). *Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв.* Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом».
- Миронов, Б.Н. (2017). *Управление этническим многообразием Российской империи*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Олейников, Д.И. (2000). Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810–1860-е гг. В *Actio Nova* (стр. 325–340). Москва: «Глобус».
- Олейников, Д.И. (2001). Человек на разломе культур. Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны. *Звезда*. (8), 95–99.
- Олейников, Д.И. (2002). Противоречия культурного билингвизма: особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны. *Военно-историческая антропология. Ежегодник* (стр. 229 –240). Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Покровский, Н.И. (2000). *Кавказские войны и имамат Шамиля*. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).
- Полное собрание законов Российской империи*. Собрание II. Т. LII. Ч. I. (1877). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи*. Собрание II. Т. X. (1835). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи*. Собрание II. Т. XL. (1865). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи*. Собрание II. Т. XXIV. (1849). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) (n.d.)
- Русско-дагестанские отношения в XVIII–начале XIX в.: Сборник документов*. (1988). Москва: «Наука».
- Столетие военного министерства*. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1. (1902). Санкт-Петербург: Синодальная типография.

- Урушадзе, А.Т. (ред.). (2020). *Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН.
- Хан-Гирей. (1978). *Записки о Черкесии*. Нальчик: «Эльбрус».
- Ходарковский, М. (2016). *Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГАКБР) (n.d.).
- Шамхалы Тарковские (1868). *Сборник сведений о кавказских горцах*. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского.

References

- Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission* (1866). Tiflis: Typography of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus. (In Russian)
- Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission* (1904). Tiflis: Typography of the office of the chief civil servant in the Caucasus. (In Russian)
- Aloev, T.H. (2019). Hero vice versa: did not coincide with his destiny. *Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies*, (3), 23–32. (In Russian)
- Archive of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research (AKBIBR – АКБИГИ) (n.d.). *F. 1. Op. 2. D. 52*. (In Russian)
- Avalishvili, Z. (1937). On Memories of Musa-Pasha Kundukhov. *The Caucasus*, (8), 10–17. (In Russian)
- Barrett, T. (2000). Uncertainty Lines: North Caucasus “frontier” of Russia. In M. David-Fox (Ed.), *American Russian Studies: Milestones of Recent Historiography. Imperial period. Anthology* (pp. 163–193). Samara: Samara University Publishing House. (In Russian)
- Centenary of the War Ministry. 1802–1902. V. XI. P. 1*. (1902). St. Petersburg: Synodal printing house. (In Russian)
- Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic (CSAKBR – ЦГАКБР) (n.d.). *F. I-16. Op. 1. D. 202*. (In Russian)
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II. V. LII. Part I*. (1877). St. Petersburg: Printing House II Division of His Imperial Majesty's own Chancellery. (In Russian)
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II. V. X*. (1835). St. Petersburg: Printing House II of His Imperial Majesty's Office. (In Russian)
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II. V. XL*. (1865). St. Petersburg: Printing House II of His Imperial Majesty's own Chancellery. (In Russian)

- Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II. V. XXIV.* (1849). St. Petersburg: Printing House II of His Imperial Majesty's own Chancellery. (In Russian)
- Degoiev, V.V. (2003). General Musa Kundukhov: A Story of One Illusion. *Star.* (11), 151–162. (In Russian)
- Gadzhieva, S. Sh. (2000). *Kumyks: Historical Past, Culture, Life. Book One.* Makhachakala: Dagestan book publishing house. (In Russian)
- How to Study the Frontiers Today? Discussion on the article by D.V. Sen (2020). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, (1), 81–105. (In Russian)
- Kappeler, A., & Kaplunovsky, A. (2003). The Southern and Eastern Frontiers of Russia in the 16th–18th centuries. *Ab Imperio*, (1), 47–64. doi: 10.1353/imp.2003.0126 (In Russian)
- Khan-Giray. (1978). *Notes on Circassia.* Nalchik: “Elbrus”. (In Russian)
- Khodarkovsky, M. (2009). The Return of Lieutenant Atarshchikov: Empire and Identity in Asiatic Russia. *Ab Imperio*, (1), 149–164. doi: 10.1353/imp.2009.0042
- Khodarkovsky, M. (2016). *Bitter choice: loyalty and treachery in the era of Russian conquest of the North Caucasus.* Moscow: New Literary Review. (In Russian)
- Kundukhov, M. (2002). *Memoirs.* Retrieved from http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus (In Russian)
- Lapin, V.V. (2008). *The Russian Army in the Caucasian War of XVIII – XIX centuries.* St. Petersburg: Publishing House “European House”. (In Russian)
- Mironov, B.N. (2017). *Management of ethnic diversity in the Russian Empire.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian)
- Oleynikov, D. I. (2002). Contradictions of Cultural Bilingualism: Peculiarities of the Psychology of the Russian Highlander Officer during the Great Caucasian War. In *Military and historical anthropology. Yearbook* (pp. 229 –240). Moscow: “The Russian Political Encyclopedia” (ROSSPAN). (In Russian)
- Oleynikov, D.I. (2000). Theory of Contact Zones and Dialogue of Cultures as Applied to Russia's Advance to the North Caucasus in 1810–1860s. In *Actio Nova* (срр. 325–340). Moscow: “Globe” (In Russian)
- Oleynikov, D.I. (2001). Human at the Fracture of Cultures. Peculiarities of the psychology of the Russian officer-mountain during the Great Caucasian War. *Star.* (8), 95–99. (In Russian)
- Pokrovsky, N.I. (2000). *Caucasian Wars and Shamil's Imam.* Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN) (In Russian)
- Rieber, A. J. (2003). Changing Concepts and Constructions of Frontiers: A Comparative Historical Approach. *Ab Imperio*, (1), 23–46. doi: 10.1353/imp.2003.0104
- Russian State Military Historical Archive (RSMHA – РГВИА) (n.d.).
- Russian-Dagestani relations in the 18th–early 19thc.: Collection of documents.* (1988). Moscow: “Science”. (In Russian)

- Shamkhaly Tarkovskie (1868). *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis: Typography of the General Directorate of the Governor of the Caucasus. (In Russian)
- State Archive of the Russian Federation (SARF – РГВИА) (n.d.). *F. 109.Op. 3. D. 1155*. (In Russian)
- Urushadze, A.T. (ed.). (2020). *National suburbs in the politics of the Russian Empire and Russian public thought*. Rostov-on-Don: SNC RAS Publishing House. (In Russian)
- Yermolov, A. E. (1872). His letters to Prince V.O. Bebutov. In *Russian antiquity*. (Vol. V. Issue 3), 412–467. (In Russian)
- Zhemukhov, S.N. (1997). *Worldview of Khan-Giray*. Nalchik: [B.I.]. (In Russian)